

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-45-56

Ж. А. Ермакова¹, В. В. Свечникова²

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ³

Выявлены инвестиционные тенденции в промышленности, а также влияющие на них факторы. Декомпозиция осуществлялась на уровень регионов России и вида экономической деятельности – добыча полезных ископаемых (ДПИ). В исследовании принята гипотеза о зависимости инвестиционного процесса в регионе от доли добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС). Основные методы исследования: обзор специальной литературы, сравнительный и корреляционный анализы, графический. На основе анализа выявлены: семь групп регионов по доле ДПИ в НДС; увеличение количества регионов с существенной долей ДПИ; преимущественно сильная зависимость объёма инвестиций от доли ДПИ в НДС региона. Подчёркивается важность ускоренного развития обрабатывающих производств и других видов экономической деятельности в условиях санкционного давления; необходимость импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. Сформулированы направления активизации инвестиций в промышленности. В качестве направлений будущих исследований рассматривается разработка организационно-экономического механизма на уровне РФ и отдельных регионов для активизации инвестиций в обрабатывающих отраслях и придания им инновационного характера.

Ключевые слова: инвестиции, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, валовой региональный продукт, факторы инвестиционного процесса, корреляционный анализ, регион РФ.

УДК 330.322, 330.356

Введение

Инвестиционный процесс, его отраслевые и региональные срезы, влияющие на него факторы являются предметом исследований многих зарубежных и отечественных учёных.

---

¹ *Жанна Анатольевна Ермакова*, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ОГУ (460018, РФ, Оренбург, пр. Победы, д. 13), главный научный сотрудник Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, e-mail: 5bermakova@mail.ru

² *Виктория Владимировна Свечникова*, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Новотроицкого филиала НИТУ МИСИС (462359, РФ, Новотроицк, ул. Фрунзе, д. 8), канд. экон. наук, доцент, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

³ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для Оренбургского филиала ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 гг. по теме: «Разработка теоретических положений и методического инструментария повышения эффективности управления логистическими цепями поставок ресурсов на мезо- и микроуровнях в условиях цифровой парадигмы» (№ 0327-2021-0015).

Й. Шумпетер в своей наиболее важной для экономической науки монографии «Теория экономического развития» [20] рассматривал роль денег и процесса инвестирования в инновационном процессе и шире – в экономическом росте. Особое значение в конкурентном росте экономики Й. Шумпетер придавал кредиту, отмечая его роль как источника финансирования новых комбинаций в производстве. В частности, наличие доступного по объёму и цене кредита формирует спрос предпринимателя на нужные ему средства производства, позволяет изымать их из традиционной сферы применения и направлять развитие экономики по инновационному пути.

К. Перес отмечала, что экономический рост возможен, когда «старый» капитал (накопленный при производстве на прежнем технологическом уровне) инвестируется в принципиально новые технологии [12].

Г. Менш при разработке теоретических положений об инновациях (их классификации, введении понятия «технологического пата» и т. д.) большое внимание уделил инвестиционному процессу [11]. В частности, он считал, что инновационный процесс протекает «наплывами», и экономика должна быть готова к базисным инновациям. Такое непоследовательное появление инноваций объясняется тем, что в период экономического роста и благополучия предприниматели избегают рискованных инвестиций, а в периоды экономической депрессии вынуждены идти на инвестиционный риск, в противном случае их бизнес может погибнуть.

Академик С. Ю. Глазьев при разработке своей теории долгосрочного технико-экономического развития и в дальнейших трудах выдвинул и обосновал ряд важнейших положений применительно к инвестиционному процессу в промышленности, в частности:

- технологическое развитие смещает инвестиционный вектор в производства, соответствующие доминирующему и/или формируемому технологическим укладам (ТУ);
- экономический рост обеспечивается эмиссией кредитных ресурсов и наличием институтов, «трансформирующих» кредит в расширение производства и инвестиции в НТП и человеческий капитал;
- увеличение экономической активности (выражаемое в росте ВВП) обеспечивается опережающим ростом инвестиций;
- денежная политика должна быть направлена на формирование условий для максимизации инновационно-инвестиционной активности;
- двукратное повышение уровня инвестиционной активности для опережающего развития на базе нового ТУ;
- сроки инвестиционных кредитов должны соответствовать нормальной длительности научно-производственного цикла в промышленности (5–7 лет);
- запуск специальных целевых кредитных линий для технологической модернизации производства [8, 9].

Ядром IV ТУ Глазьев называет двигатель внутреннего сгорания (по сути, всё, что относится к машиностроению и смежным отраслям); V ТУ – микроэлектронные компоненты; формирующегося VI ТУ – нанотехнологии, ядерную и возобновляемую энергетику (воплощение триады нано-био-ИКТ). «Своевременное развитие ключевых производств шестого технологического уклада формирует сравнительные преимущества, которые будут определять геоэкономическую конкуренцию до середины XXI века» [9].

Разработке целеполагания, направлений, условий, факторов, механизмов осуществления промышленной политики в регионах РФ, формированию высокотехнологичных секторов посвящены исследования академика РАН А. И. Татаркина и коллектива Института экономики УрО РАН под его руководством (О. А. Романовой, В. В. Акбердиной и др.) [16–19].

Проблемы обеспечения экономического роста, механизмов и инструментов инновационного и импортозамещающего развития отраслей, роли человеческого капитала и другие смежные вопросы исследовались в трудах ряда отечественных учёных: А. Г. Аганбегяна, С. Д. Бодрунова, В. В. Ивантера, Е. Б. Ленчук, Б. Н. Порфирьева, О. С. Сухарева, А. А. Широва и многих других [1–7, 10, 13–15].

Вместе с тем анализ инвестиционного процесса в совокупности с технологическим развитием осуществляется главным образом на уровне России в целом, а также в сравнении с другими странами. Считаем региональную дифференциацию внутри России весьма значительной, в связи с чем требуются выявление тенденций и соответствующая оценка для выработки механизмов и инструментов развития на уровне страны и регионов.

Методы, материалы, результаты

Инвестиционный и инновационный процессы являются определяющими факторами развития современной экономики. Содержательно и статистически показатели инвестиций, науки и технологий, инноваций различаются, при этом именно от их активизации зависят темпы технологической модернизации как процесса качественного совершенствования производительных сил посредством внедрения технологических инноваций.

Исследование инвестиционного и инновационного процессов в России говорит о весьма позитивных результатах:

- объём инвестиций за 2011–2021 гг. вырос с 10,8 до 28 трлн рублей (в 2,6 раза);
- доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП более чем за 10 лет увеличилась и составила 22,3 % в 2021 г.;
- уровень инновационной активности предприятий колеблется от 10 до почти 13 %;
- коэффициент обновления основных фондов изменяется в среднем от 9 до 12 % в год в зависимости уровня технологичности отрасли (высокотехнологичные отрасли обновляются со скоростью 12 % в год, низкотехнологичные – 10,2 %);
- доля вложений в машины и оборудование чаще всего составляет 31...33 % по видам экономической деятельности. В целом, направления инвестиций отражают специфику отраслей по структуре основных фондов⁴.

Для подтверждения или опровержения гипотезы проводилось исследование на основе данных за 2016–2021 гг.⁵

Основные положения исследования следующие:

- 1) осуществлен анализ 85 регионов России и проведена их группировка по доле в валовом региональном продукте (ВРП) основных видов экономической деятельности;
- 2) основой исследования явилась доля в ВРП региона добычи полезных ископаемых (ДПИ);
- 3) для проверки гипотезы в качестве результативного показателя принят объём инвестиций в основной капитал (млрд р.);
- 4) в качестве показателей-факторов, потенциально влияющих на величину инвестиций в основной капитал, нами выделены:
  - удельный вес добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости региона (ВДС) (%);
  - уровень инновационной активности предприятий (%);

---

⁴ URL: <https://56.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20–23.06.2023, 04.07.2023).

⁵ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20–23.06.2023, 04.07.2023).

- сальдированный финансовый результат деятельности организаций (млрд р.);
  - доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ (млн р.);
  - затраты на инновационную деятельность организаций (млн р.);
  - доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме товаров (работ, услуг) (%);
  - индекс промышленного производства (%);
  - индекс производства ДПИ (%);
- (Первоначальный перечень факторов был сужен – исключены мультиколлинеарные показатели.)

5) для проверки гипотезы применялся метод многофакторного корреляционного анализа, который позволил количественно оценить влияние выделенных нами факторов на результат. Для исключения мультиколлинеарных факторов проведён анализ матрицы парных коэффициентов;

6) обработка статистических данных выполнена с использованием программной надстройки «Пакет анализа» табличного процессора Microsoft Excel. В анализе использована официальная статистическая отчётность (официальный сайт Росстата);

7) в исследовании применялся показатель валовой добавленной стоимости (ВДС), так как в официальной статистической отчётности он измеряется в текущих ценах (как и выделенные факторные признаки, измеряемые в стоимостных единицах), а показатель ВРП – в постоянных ценах 2016 г.

На первом этапе по формуле Стерджесса определена необходимость объединения регионов в 7 групп. Величина интервала колебалась (в зависимости от показателей конкретного года) от 10,4 до 12,3 %. В результате с позиции актуальности анализа принято решение о группировке на основе данных 2021 г., поэтому в первую группу вошли регионы с долей до 12,3 % включительно, во вторую – от 12,3 до 24,6 % и т. д., седьмая группа включает регионы с долей добывающей промышленности в ВРП свыше 73,8 % (табл. 1).

Таблица 1

Группировка субъектов РФ по доле ДПИ в структуре НДС субъектов Российской Федерации за 2016–2021 гг.

Удельный вес добывающей промышленности в структуре НДС, %	Число субъектов РФ					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
До 12,3	62	61	61	60	59	58
12,3...24,6	11	11	9	10	14	8
24,6...36,9	5	6	6	5	4	8
36,9...49,2	2	3	3	5	2	5
49,2...61,5	3	2	2	1	3	3
61,5...73,8	2	2	3	3	2	0
73,8...86,1	0	0	1	1	1	3
Итого	85	85	85	85	85	85

Источник: рассчитано по данным Росстата: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20–23.06.2023).

Данные табл. 1 указывают на увеличение количества регионов с более высокой долей ДПИ в структуре ВДС. Если в 2016 г. количество субъектов с долей ДПИ в структуре ВДС более 24,6 % составляло 12, то в 2021 г. таких регионов было уже 19.

На втором этапе из каждой группы были отобраны регионы для анализа с учётом двух обстоятельств: за анализируемый период резко выросла доля ДПИ в ВДС региона (как правило, в 1,5...10 раз); регион является традиционно добывающим со стабильно высокой долей ДПИ:

- первая группа представлена Новосибирской областью (из-за увеличения доли ДПИ с 1,6 до 4,5 % при высокой доле обрабатывающих производств и мощного научно-инновационного сектора);
- Еврейская автономная область явилась представителем второй группы (доля ДПИ выросла с 2,2 до 23,7 %);
- из третьей группы выбраны Республика Карелия и Пермский край. К ним была добавлена Белгородская область, так как за 5 лет в структуре ВДС региона доля ДПИ резко увеличилась, и область из первой группы регионов переместилась в третью;
- четвёртая группа представлена Оренбургской областью;
- в пятую группу вошла Магаданская область;
- из седьмой группы в анализе учтены Ямало-Ненецкий (ЯМАО) и Ханты-Мансийский (ХМАО) автономные округа (как субъекты с наибольшим объёмом инвестиций в основной капитал и доминирующей долей ДПИ среди всех регионов России).

На третьем этапе был осуществлен корреляционный анализ выбранных регионов по восьми факторам, влияющим на результативный показатель. Для исключения влияния случайных факторов корреляционный анализ по субъектам РФ из седьмой группы (ЯМАО и ХМАО) проведён за период 2012–2021 гг. Оценка степени влияния факторов дифференцирована по трём уровням: слабая зависимость – до 0,3; умеренная – от 0,3 до 0,6; сильная – свыше 0,6 (табл. 2). Данные табл. 2 показывают, что в регионах из 3–6-й групп и отчасти в 7-й наблюдается сильная зависимость объёма инвестиций от доли ДПИ в ВДС региона (в Магаданской области и Ханты-Мансийском автономном округе – умеренная зависимость).

Выполнена визуализация степени зависимости объёма инвестиций в основной капитал от доли ДПИ в структуре ВДС региона (см. рисунок). Площадь круга на рисунке для каждого региона соответствует доле ДПИ в ВДС. Высокие значения зависимости инвестиций от доли ДПИ наблюдаются в Республике Карелия (теснота связи – 0,9), Оренбургской области (0,73), Ямало-Ненецком автономном округе (0,69) и Пермском крае (0,61).

Дополнительное изучение инвестиционных процессов потребовалось для регионов седьмой группы, в которых в 2019–2021 гг. существенно изменялись показатели доли ДПИ. Есть основания предположить, что это связано с трансфертным ценообразованием на продукцию добывающих отраслей и требованиями товарной политики (предприятия округов входят в составы вертикально-интегрированных корпораций). Было выявлено, что существенных снижений в добыче и производстве продукции в натуральном выражении не наблюдалось. Инвестиции направлялись главным образом:

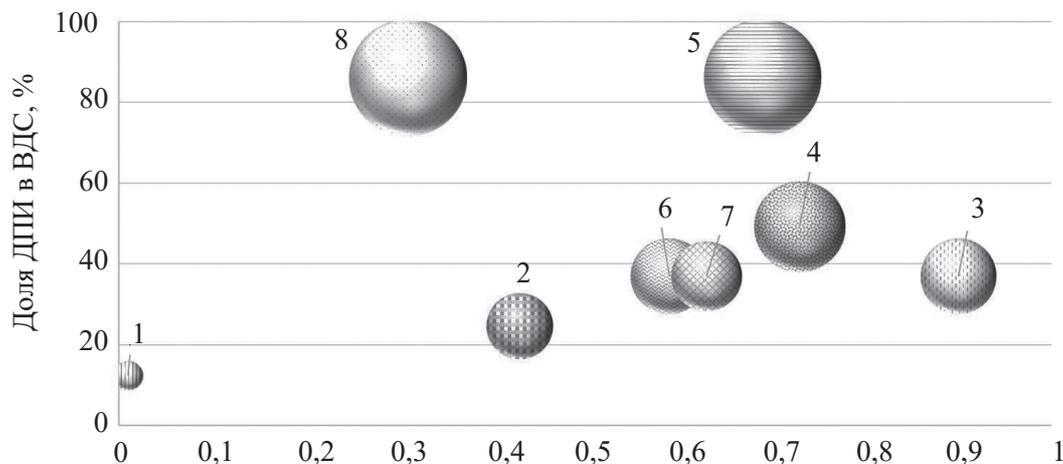
- в основные фонды предприятий ДПИ;
- на создание обрабатывающих переделов, следующих сразу за добычей;
- на строительство инфраструктурных объектов по обеспечению транспортировки, хранения и отгрузки добываемого сырья⁶.

⁶ URL: <https://gov.admhmao.ru/> (дата обращения: 04.07.2023); URL: <https://yanao.ru/> (дата обращения: 04.07.2023).

Таблица 2

Оценка степени влияния факторных признаков на объём инвестиций в основной капитал по регионам РФ

Удельный вес ДПИ в ВДС, %	Субъект РФ	Значение коэффициента корреляции		
		До 0,3 (слабая зависимость)	0,3...0,6 (умеренная зависимость)	Более 0,6 (сильная зависимость)
До 12,3	Новосибирская область	До 0,3 Удельный вес ДПИ в ВДС	Затраты на инновационную деятельность (ИД) организаций; сальдированный финансовый результат деятельности организаций (ФРДО)	–
12,3...24,6	Еврейская автономная область	Сальдированный ФРДО	Удельный вес ДПИ в ВДС; затраты на ИД организаций	–
24,6...36,9	Республика Карелия	Индекс производства ДПИ		Удельный вес ДПИ в ВДС; затраты на ИД организаций; доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объёме товаров (работ, услуг); доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
36,9...49,2	Пермский край	Уровень инновационной активности по субъектам	Затраты на ИД организаций	Удельный вес ДПИ в ВДС; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ; сальдированный ФРДО
	Белгородская область	Индекс промышленного производства	–	Удельный вес ДПИ в ВДС; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ; затраты на ИД организаций
49,2...61,5	Оренбургская область	Доля инновационных товаров (работ, услуг) в общем объёме товаров (работ, услуг)	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС; индекс производства ДПИ; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
	Магаданская область	–	Удельный вес ДПИ в ВДС	Сальдированный ФРДО; доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
73,8...86,1	ЯНАО	–	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС
	ХМАО	Уровень инновационной активности по субъектам	Удельный вес ДПИ в ВДС	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ

Зависимость объёма инвестиций в основной капитал от удельного веса добывающей промышленности в структуре ВДС регионов РФ. Степень тесноты связи:

- 1 – Новосибирская обл.; 2 – Еврейская АО; 3 – Республика Карелия;
4 – Оренбургская обл.; 5 – ЯНАО; 6 – Белгородская обл.; 7 – Пермский край;
8 – ХМАО

Это подтверждает фактическую направленность инвестиций в данных автономных округах на отрасли по добыче ископаемых.

Обсуждение и выводы

Уровень технологического развития экономики страны в целом, отдельных её регионов и отраслей определяется рядом существенных факторов и условий. Объём, динамика инвестиций и их направленность выступают одним из основных факторов. Однако, если инвестиции осуществляются без учёта научно-технологических приоритетов, необходимости развития отраслей и регионов, обеспечивающих технологическую независимость, то Россия не сможет остаться в перечне мировых экономических лидеров и обеспечивать населению высокий уровень жизни. При всей важности ДПИ для экономики страны и существенного вклада данной промышленности в обеспечение мировой конкурентоспособности развитие V и VI ТУ требует развития иных производств, соответствующих инвестиций и инноваций.

Исследование факторов, влияющих на объём инвестиций в основной капитал, по субъектам России за период 2016–2021 гг. показало:

- 1) значительную дифференциацию субъектов РФ по удельному весу добывающей промышленности в структуре ВДС;
- 2) увеличение количества регионов со значительным весом ДПИ в ВДС, в частности, число регионов с долей выше 24,6 % выросло с 12 до 19;
- 3) рост взаимосвязи суммы инвестиций в основной капитал и доли добывающей промышленности в структуре ВДС с увеличением удельного веса добывающей промышленности;
- 4) усиление влияния инновационной активности хозяйствующих субъектов и затрат на инновационную деятельность на величину инвестиций в основной капитал с увеличением доли добывающей промышленности в структуре ВДС.

Наличие умеренной и сильной зависимости между долей ДПИ в структуре ВДС региона и объёмом инвестиций выявлено для регионов 3–7-й групп. Регионы из 1 и 2-й групп (с долей ДПИ ниже 24,6 %) показывают слабую зависимость или отрицательную связь между этими показателями. Кроме того, регионы из 7-й группы демонстрируют неоднозначные результаты, что можно объяснить как формальными причинами, так и тем, что верхняя граница по уровню доли ДПИ практически достигнута, произошло насыщение основными фондами и развитие осуществляется в смежных отраслях, тесно связанных с добычей.

Проведённое исследование подтверждает нашу гипотезу и свидетельствует о наличии ряда отрицательных тенденций. Во-первых, это увеличение количества регионов с существенной долей ДПИ, а также с ростом этой доли по регионам. Если в 2016–2017 гг. в 7-й группе (доля – более 73,8 %) не было регионов, в 6-й было два региона, то с 2018 г. в этих группах находятся 3–4 региона. Несколько субъектов РФ резко увеличили долю ДПИ в ВДС (среди них Белгородская область). Во-вторых, гипотеза исследования подтвердилась для регионов 3–7-й групп (с долей ДПИ свыше 24,6 %). Практически для всех регионов установлена высокая зависимость суммы инвестиций от доли ДПИ в ВДС. Это достаточно логично – инвестиции, в том числе в технологическую модернизацию, осуществляются в те производства и отрасли и на тех предприятиях, которые уже функционируют в регионе. Однако, именно эта тенденция консервирует существующий уровень технико-экономического развития. Кроме того, создаётся опасная иллюзия, что рост инвестиций свидетельствует о благоприятных трендах в социально-экономической ситуации. Изучение данного вопроса позволило выявить следующее:

- 65 % предприятий нуждаются в инвестициях, направленных на повышение технологического уровня, 26 % – в цифровом развитии⁷;
- востребованность инвестиций для обеспечения устойчивого развития отметили предприятия и добывающих, и обрабатывающих отраслей⁸;
- инвестиционный процесс существенно тормозится из-за недостатка собственных ресурсов (особенно в обрабатывающих отраслях), дороговизны и дефицитности кредитных средств⁹.

Небольшой промежуток времени (в сравнении со средним инвестиционным циклом) с начала применения массовых экономических санкций против России не позволяет сделать обоснованные выводы об изменении или консервации сложившейся ситуации. Эксперты всё чаще говорят, что наличие параллельного импорта, с одной стороны, улучшает текущее потребление; с другой – становится тормозом для развития новых обрабатывающих производств и выстраивания отечественных цепочек с большей добавленной стоимостью на основе имеющегося ресурсного потенциала.

Выходом из данной ситуации может стать формирование под эгидой Правительства РФ и региональных властей экономически самодостаточных регионов производственных цепочек, обеспеченных финансовыми ресурсами и направленных на изготовление готовых для потребления товаров (работ, услуг), отвечающих научно-техническим приоритетам; стимулирующих развитие новых ТУ и способствующих дальнейшему конкурентному развитию российской экономики.

⁷ Инвестиционные тренды промышленности в цифровое и технологическое развитие в 2022 г. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 11 с.

⁸ Там же.

⁹ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2023, 20-23.06.2023, 01-04.07.2023).

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России / А. Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 5 (194). – С. 9–20.
2. Аганбегян, А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста / А. Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 1 (172). – С. 3–15.
3. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362.
4. Бодрунов, С. Д. Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1 (71). – С. 5–13.
5. Ивантер, В. В. От модернизации экономической политики к качественному росту экономики / В. В. Ивантер, Б. Н. Порфирьев, А. А. Широков // Российский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 3–15.
6. Ивантер, В. В. Состояние и перспективы инновационного развития экономики России / В. В. Ивантер, Н. И. Комков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 5–15.
7. Ивантер, В. В. Механизмы экономического роста / В. В. Ивантер // Мир новой экономики. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 24–35.
8. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: Владар, 1993. – 310 с.
9. Глазьев, С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
10. Ленчук, Е. Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития / Е. Б. Ленчук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 72–91. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5.
11. Менш, Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию / Г. Менш. – М.: Экономика, 2001. – 211 с.
12. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London: Elgar, 2002.
13. Порфирьев, Б. Н. «Зелёный» фактор инновационной модернизации экономики: вызов для России / Б. Н. Порфирьев // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 3. – С. 3–14.
14. Структурная модернизация российской экономики : условия, направления, механизмы / под ред. Е. Б. Ленчук, Н. Ю. Ахапкина, В. И. Филатова ; Институт экономики РАН. – СПб.: Алетейя, 2022. – 276 с.
15. Сухарев, О. С. Технологический суверенитет: решения на макроэкономическом и отраслевом уровне / О. С. Сухарев // Микроэкономика. – 2023. – № 2. – С. 19–33.
16. Татаркин, А. И. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19–31.
17. Татаркин, А. И. Шумпетерианская экономическая теория промышленной политики: влияние технологической структуры / А. И. Татаркин, О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова // Журнал экономической теории. – 2017. – № 2. – С. 7–17.

18. Татаркин, А. И. Промышленная политика: теоретические основы, практика реализации / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 6. – С. 19–23.

19. Татаркин, А. И. Формирование высокотехнологичного сектора в индустриальном регионе / А. И. Татаркин, О. А. Романова, В. В. Акбердина // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22). – С. 195–200.

20. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

References

1. Aganbegjan A. G. (2022) Dve glavnye makroekonomicheskie teorii D. Kejnса i M. Fridmana i ih ispol'zovanie v jekonomicheskoy politike krupnyh stran mira i Rossii [The two main macroeconomic theories of D. Keynes and M. Friedman and their use in the economic policy of major countries of the world and Russia]. *Problemy prognozirovaniya*, 5 (194), pp. 9–20.

2. Aganbegjan A. G. (2019) O neotlozhnyh merah po vozobnovleniju social'no-jekonomicheskogo rosta [On urgent measures to resume socio-economic growth]. *Problemy prognozirovaniya*, 1 (172), pp. 9–20.

3. Aganbegjan A. G. (2019) Rossiya: ot stagnacii k ustojchivomu social'no-jekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*, Vol. 237 (5), pp. 310–362.

4. Bodrunov S. D. (2022) Tehnologicheskij progress: predposylki i rezul'tat sociogumanitarnoj orientacii jekonomicheskogo razvitija [Technological progress: prerequisites and results of socio-humanitarian orientation of economic development]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1 (71), pp. 5–13.

5. Ivanter V. V., Porfir'ev B. N., Shirov A. A. (2016) Ot modernizacii jekonomicheskoy politiki k kachestvennomu rostu jekonomiki [From modernization of economic policy to qualitative economic growth]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*, 1, pp. 3–15.

6. Ivanter V. V., Komkov N. I. (2018) Sostojanie i perspektivy innovacionnogo razvitija jekonomiki Rossii [The state and prospects of innovative development of the Russian economy]. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*, Vol. 8 (4), pp. 5–15.

7. Ivanter V. V. (2018) Mehanizmy jekonomicheskogo rosta [Mechanisms of economic growth]. *Mir novoj jekonomiki*, Vol. 12 (3), pp. 24–35.

8. Glaz'ev S. Ju. (1993) Teorija dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitija [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow: Vldar. 310 p.

9. Glaz'ev S. Ju. (2018) Ryvok v budushhee. Rossiya v novyh tehnologicheskom i mirohozjajstvennom ukladah [A Breakthrough into the future. Russia in New technological and World Economic structures]. Moscow: Knizhnyj mir Publ. 768 p.

10. Lenchuk E. B. (2021) Rossiya v mirovom processe nauchno-tehnologicheskogo razvitija [Russia in the global process of scientific and technological development]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, Vol. 14 (4), pp. 72–91. DOI:10.23932/2542-0240-2021-14-4-5.

11. Mensh G. (2001) Tehnologicheskij pat: innovacii preodolevajut depressiju [Technological stalemate: Innovation overcomes depression]. Moscow: Jekonomika Publ. 211 p.

12. Perez C. *Technological Revolutions end Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. London: Elgar, 2002.

13. Porfir'ev B. N. (2016) "Zeljonyj" faktor innovacionnoj modernizacii jekonomiki: vyzov dlja rossii [The "green" factor of innovative modernization of the economy: a challenge for Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika, 3, pp. 3–14.
14. Lenchuk E. B., Ahapkina N. Ju., Filatova V. I. (2022) Strukturnaja modernizacija rossijskoj jekonomiki : uslovija, napravlenija, mehanizmy [Structural modernization of the Russian economy : conditions, directions, mechanisms]. Sankt-Peterburg: Aletejja Publ. 276 p.
15. Suharev O. S. (2023) Tehnologičeskij suverenitet: reshenija na makroekonomičeskom i otraslevom urovne [Technological sovereignty: decisions at the macroeconomic and sectoral level]. Mikrojekonomika, 2, pp. 19–33.
16. Tatarkin A. I., Romanova O. A. (2007) Promyšlennaja politika i mehanizm ee realizacii sistemnyj podhod [Industrial policy and its implementation mechanism a systematic approach]. Jekonomika regiona, 3, pp. 19–31.
17. Tatarkin A. I., Suharev O. S., Strizhakova E. N. (2017) Shumpeterianskaja jekonomičeskaja teorija promyšlennoj politiki: vlijanie tehnologičeskoj struktury [Schumpeterian Economic Theory of Industrial Policy: the Influence of Technological Structure]. Zhurnal jekonomičeskoj teorii. 2, pp. 7–17.
18. Tatarkin A. I., Romanova O. A. (2012) Promyšlennaja politika: teoreticheskie osnovy, praktika realizacii [Industrial policy: theoretical foundations, implementation practice]. Regional'naja jekonomika: teorija i praktika, 6, pp. 19–23.
19. Tatarkin A. I., Romanova O. A., Akberdina V. V. (2014) Formirovanie vysokotehnologičnogo sektora v industrial'nom regione [Formation of a high-tech sector in an industrial region]. Zhurnal Novoj jekonomičeskoj asociacii, 2 (22), pp. 195–200.
20. Shumpeter J. (1982) Teorija jekonomičeskogo razvitija [Theory of economic development]. Moscow: Progress Publ. 455 p.

Zh. A. Ermakova¹⁰, V. V. Svechnikova¹¹. Investment Trends in the Industry of Russian Regions.

The purpose of the study was to identify trends in investment processes in industrial economic activities, as well as to identify factors influencing them. The decomposition was carried out at the level of the regions of the Russian Federation and the type of economic activity – mining. The hypothesis of the study was that in regions in the structure of gross value added (GVA) of which the share of mining is significant, the investment process is more active. The main research methods were monographic, comparative and correlation analysis, graphic. The analysis made it possible to identify: seven groups of regions by the share of mining in the GVA; increasing the number of regions with a significant share of mining; mainly a strong dependence of the volume of investments on such a feature as the share of DPI in the GVA of the region.

From the point of view of economic development in the conditions of sanctions pressure, the need for import substitution and ensuring technological sovereignty, accelerated development of manufacturing

---

¹⁰ Zhanna A. Ermakova, Head of the Department of Banking and Insurance of OSU (13 Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russia), Chief Researcher of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, e-mail: 56ermakova@mail.ru

¹¹ Victoria V. Svechnikova, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of Novotroitsk Branch of MISIS (Frunze str., 8, Novotroitsk, Russia, 462359), Candidate of Economic Sciences, Docent, e-mail: Svechnikova2007@yandex.ru

industries, as well as other types of economic activity is required. The identified factors affecting the dynamics and volume of investments made it possible to formulate directions for enhancing investment in industry.

The directions of future research may be the development of an organizational and economic mechanism at the level of the Russian Federation and individual regions to ensure a significant activation of investments in manufacturing industries and give them an innovative character. The conducted research and its results will be useful to researchers of problems of economic growth and investment development of industry, as well as teachers and students in economic areas.

Keywords: investments, mining, manufacturing, gross regional product, factors of the investment process, correlation analysis, region of the Russian Federation.